

**Ямало-Ненецкое отделение
Союза Литераторов РФ**

Тамара Овчаренко

На Крайнем Севере с апреля 1991 года. Почти тридцать лет проработала учителем в школе №2 г. Тарко-Сале. Наверное, понимание детей привело к работе с детской литературой. Помимо детской книги тружусь над сценарием, очерками о северной жизни и начинаю серьёзную работу над романом.

Ежедневная суэта, стремление вовремя и качественно выполнить работу, достойно оказывать внимание родной семье и близким людям – эти заботы отстраняют сознание людей, что их ежедневная деятельность на Крайнем Севере является мужеством и проверкой человеческих возможностей. То, что было пережито на Крайнем Севере, войдёт в серию очерков о моём любимом городе Тарко-Сале.

Мой город Крайнего Севера

Я помню этот город ещё с прошлого тысячелетия, когда он был маленьким посёлком газовиков. Хотя это было каких-то два-три десятка лет назад.

В конце восьмидесятых я решила на несколько лет перебраться на север, поближе к сестре – заработать денег на хорошее пианино для образования дочери. Все так думают – «на пару лет». Как в песне поётся: «Приезжают на полгода – остаются навсегда». Я тоже задержалась.

Двадцать первое марта. Днём ранее мы вылетали из Ташкента в лёгкой одежде. Цвели абрикосовые сады, земля просыпалась к новой жизни, и жители готовились к Наврузу – весеннему празднику.

Небольшой самолёт уже из Тюмени в течение трёх часов летел в сторону севера и полпути над безжизненной снежной пустыней. Моя дочь, укутанная в цигейковую шубу, тихо спала в кресле. Очень быстро темнело и пустыня стала совершенно чёрной. Изредка где-то в глубине светились огненные точки, окаймлённые бисером светильников. Бородатый мужчина, сидевший позади меня, пояснил: «Это газовые факелы на месторождении».

За бортом усиленно гудели моторы. Салон самолёта до отказа наполненный людьми, дребезжал, иногда резко, но незначительно снижался, отчего сильно закладывало уши, а внутренности поджимались вверх. Ноги затекли. Двигаясь в кресле, сапогом задела сумку под сиденьем, отчего её содержимое зазвенело стеклом. Подумала: «Как бы не разбить». Муж сестры, измученный язвой желудка, просил привезти пару бутылок кефира. Во время пересадки в Тюмени пришлось оставить дочь на чемоданах и бежать в магазин. А что толку из двух бутылок? Взяла больше. Почему не пустить большой самолёт и доставить столь нужные продукты на север, – я не понимала.

На преодоление чуть более одной тысячи километров пути ушли три часа! Самолёт трянуло, он загудел и начал снижаться. От перепада давления дочь проснулась. Организм человека в небольших самолётах тяжелее переносит снижение.

Всё было необычно: маленький самолёт, маленький трап, никаких автобусов-перевозчиков и багаж получить можно тут же – у грузового отсека.

Метель сразу же заметала расчищенную для посадки трассу. Поодаль тарахтел работающий трактор, недавно расчистивший единственную небольшую полосу. В конце гряды светящихся посадочных дорожек чернела стена леса. Подумалось об экипаже: «Как он только умудряется посадить машину на таком лоскутке заснеженной земли, да ещё в непогоду?».

У самого трапа прилетевших встречали, детей подхватывали на руки и убегали в обратном направлении дружными группами.

Прямо на нас двигались включенные фары машины. Совсем рядом круто развернулся уазик, из него выпрыгнул муж моей сестры.

– Привет! – радостно встречал он. – Хорошо, что успели вовремя долететь, погода видишь какая, скоро вообще буран будет. О! – радостно воскликнул, заглядывая в поданную сумку, – кефирчик! Вот это уважила.

Позже я узнала, что нас могли отправить на другой аэродром и там пришлось бы ожидать нужной погоды до неопределённого времени.

Водитель надавил на газ, крутанул руль и через полминуты мы перемахнули через огромный сугроб, оставив позади небольшое деревянное строение местного аэропорта.

– Это не просто сугроб, – пояснял он, – ограду занесло снегом, теперь здесь утрамбованная дорога.

– Что же не расчистят? Так свободно можно попасть к самолётам, – беспокоилась я.

– У нас тут спокойно, никто не лезет, куда не полагается.

Машину подбрасывало на укатанных сугробах нешироких улиц, словно челнок на волнах, пришлось крепко прижимать к себе испугавшуюся дочь. Проехали пару улиц двухэтажных бревенчатых домов и свернули в ряды одноэтажек с маленькими светящимися окошками.

– Это Шанхай, – указал родственник рукой на деревянные домики, близко соединённые друг с другом.

– Почему Шанхай? – удивилась я.

– Густо, как в Китае, – смеялся он. – Только у них места не хватает для строительства, а у нас жмутся, чтоб теплее было.

Доехали быстро. От машины к дому сестры продвигались по узкой протоптанной дорожке. Ветер поднимал полы моего модельного хвалёного тёплого пальто, дул в рукава и вылетал в проёмы застёжки между редко посаженными пуговицами. Среди разбушевавшейся снежной стихии оно было словно лёгкая накидка.

Виталий тащил впереди нашу поклажу, и крикнул, отворачиваясь от секущего снегом ветра: «Не шагните в сторону, чтобы не провалиться. Здесь не тротуар, а теплотрасса». Это насторожило, и мы шли аккуратнее.

Домик был маленький, с плоской, заваленной снегом крышей. Балок – писала мне сестра – временное строение из деревянных блоков с утеплителем. Его перетаскивают вертолётom и устанавливают за пару часов.

В оконце отодвинулась шторка, сестра приложила ладошки к стеклу, выглянула на улицу. Лена выскочила на крыльцо прямо в халатике и тапочках. Придерживала дверь на сильном ветру.

Обнимания, целования, всё как положено при встрече близких людей. Суета, расспросы: как долетели, какая погода там – дома, как мама?

Здесь же зима держалась всеми силами, заваливая снегом дома до середины окон.

Да, удивительная планета: где-то весна, а здесь бушует пурга, заметая все пути.